

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Галина РОМАНОВА

ВЫБОР
НАСЛЕДНИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Галины Романовой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

НАСЛЕДНИК ТЕМНОГО ВЛАСТЕЛИНА

ЗОЛОТАЯ ВЕТЬ
НЕВОЗМОЖНЫЙ МАГ
ДВОЕ ИЗ ХОЛМОГОРЬЯ
ПРОКЛЯТИЕ ДИНАСТИИ
ИСТОРИЯ ОДНОГО ЭЛЬФА
ВЫБОР НАСЛЕДНИКА

Галина РОМАНОВА

ВЫБОР НАСЛЕДНИКА

Роман

Москва, 2011
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ПРОЛОГ

Вид массивного бледнокожего эльфа мог вогнать в дрожь кого угодно — не каждый способен сохранить спокойствие, встретившись с таким существом на узкой дорожке. Одни резкие черты лица чего стоили! Но сейчас в этом создании не было ничего угрожающего — эльф понуро сидел на слишком низком для его большого тела стульчике, свесив ладони между колен, а черты лица его были скрыты от посторонних глаз чем-то вроде маски. Для всех это был молодой мужчина, правда не такой утонченно-красивый, как большинство его ровесников.

— П-прошу вас, хозяин, — с трудом выговорил он, осторожно подбирая слова, — отпустите меня!

Тот, к кому обращался мужчина, — тоже эльф, солидный возраст которого выдавали усталые морщинки вокруг глаз, — усмехнулся и развел руками:

— Иди! Не держу!

— Вы п-прекрасно знаете, что я не могу уйти! — Сидящий вскинул голову. Злость вспыхнула в глубине его красных глаз.

— Тогда к чему весь этот разговор? — Хозяин снова отвернулся к окну, посмотрел на раскинувшийся внизу парк.

— П-просто я хочу...

— У тебя есть куда пойти? — перебил его пожилой эльф. — Есть те, кто тебя ждут? Помнят? Есть кто-то в мире, кто рад тебя видеть? Ты хотя бы представляешь, чем будешь заниматься и где жить? У тебя вообще есть хоть что-то свое? Что-то, чего не дал тебе я?

Взгляд, который сидевший бросил из-под ресниц на своего собеседника, трудно было назвать дружелюбным. Счастье

стоявшего у окна, что в этот момент он оказался к собеседнику спиной. Одна рука молодого поползла к поясу, где висел кинжал в серебряных ножнах.

— Это оружие не причинит мне вреда, — спокойно, не отводя взгляда от парка, промолвил пожилой эльф. — Оно тоже принадлежит мне...

Вспыхнув, его собеседник вскочил. И без того бледное лицо совсем побелело и перекосилось от ярости.

— В т-такое случае, — слегка заикаясь, выдавил он, — за-забирайте все с-свое!

Распустив пояс, на котором висела перевязь с кинжалом, молодой швырнул его на пол и с такой яростью рванул многочисленные серебряные застёжки на колете, что некоторые оторвались и покатались по полу.

Пожилой эльф обернулся на треск и быстро шагнул, ловя молодого за руки. Несмотря на преклонный возраст, сила у него еще была. Крепко схватил взбешенного собеседника за запястья, пытаясь остановить.

— погоди, погоди, Фро, — заговорил он голосом доброго дядюшки, увещающего беспутного племянника, — я же не знал, что для тебя это так серьезно!

Некоторое время они боролись — Фро пытался освободить запястья, а его собеседник прочно удерживал его кисти на равном расстоянии и от наполовину расстегнутого колета, и от своего горла. Жуткое существо, скрывающееся под маской эльфа, могло одним ударом проломить каменную стену, но почему-то у него не хватало сил для того, чтобы одолеть своего противника. Постепенно рывки стали слабеть.

— Вот так, успокойся. — Слегка встряхнув его, старший эльф заставил Фро сесть обратно. — И запомни — твои вспышки гнева ни к чему не приведут. Ты добьешься разве того, что ухудшишь свое положение. Не забывай, кто ты!

Фро проворчал что-то вроде: «Я этого и так не забываю», но его замечание осталось без ответа.

— Впрочем, у тебя есть шанс исполнить свое желание и обрести столь нужную тебе свободу и... э-э... собственность! — с легкой усмешкой произнес старший, отступая на шаг. — Ты должен сделать кое-что еще... Это последнее задание! — воскликнул он, заметив, с каким выражением лица

вскинул на него глаза Фро. — Потом получишь заслуженную награду...

Эльф сделал паузу и погладил висящий на боку кошелек. Его собеседник взглядом хищной птицы проследил за этим жестом.

— Свою жизнь...

Оставшись один, старший опять отвернулся к окну и стал смотреть на парк. Нет, в сказанных словах не было ни слова лжи — если дело выгорит, в результате он получит то, что стоит всех потраченных усилий. И тогда действительно можно будет избавиться от слуги тем или иным способом.

ГЛАВА 1

Вопреки расхожему мнению далеко не все эльфы наделены от природы музыкальным слухом и нежным голосом, и Лаотор был живым подтверждением этого. Голос его, негромкий, ровный, не предназначался для пения — в нем не было глубины и силы. Подпевать в хоре — еще куда ни шло, но петь серенады под окном предмета своей страсти таким голосом точно не рекомендуется. Дева, конечно, не заткнет уши с мученическим выражением лица, но и внимания на раздающиеся снаружи звуки тоже не обратит.

Но старый учитель музыки знал свое дело. Уже который месяц он занимался с единственным учеником, забросив все прочие дела, и утверждал, что с некоторых пор кое-что начало получаться.

Они сидели в парке на скамейке в окружении раскидистых кустов усыпанной зреющими плодами калины, и учитель смотрел, как его ученик старательно берет аккорды на лютне.

— Вот этим пальцем извольте прижать струну сильнее, — увещевал он. — Чувствуете, что звук становится другим?

Лаотор нажал на деку изо всех сил, ударил медиатором по струнам и поднял на учителя взгляд:

— Так?

Пожилой эльф с длинными, чуть ли не до пояса, распущенными волосами, в мешковатой тунике свободного покроя (будучи артистом, он мог позволить себе выглядеть экстравагантно) пожал плечами:

— А сами-то вы чувствуете, мой лорд?

— Ну... — Лаотор напрягся. Для него в этих звуках не было разницы.

— Ничего, — пожилой учитель улыбнулся, — будем пробовать, пока не получится!

Лаотор застонал. Он действительно хотел научиться играть на лютне, но искренне не понимал, чего еще надо учителю. Ведь три основных аккорда уже усвоил, даже не три, а целых семь! И мог сыграть несколько мелодий. Надо было лишь выучить наизусть десяток самых распространенных и модных любовных песен и баллад, а не заниматься который день подряд одним и тем же звуком, доводя его до совершенства!

За брэнчанием лютни они не услышали негромкие плавные шаги и даже вздрогнули, когда неслышно подошедший эльф с улыбкой произнес:

— Ах, вот вы где!

— Отец! — Лаотор вскочил, откладывая надоевший инструмент. Учитель тоже поднялся, отвешивая изящный, словно танцевальное па, поклон. Длинные волосы его мазнули по гравийной дорожке.

— Я шел на звуки музыки, — пояснил отец Лаотора. — Ну, мастер Неар, каковы успехи моего сына?

Лютнист вздохнул и почтительно произнес.

— Юноша делает успехи, высокий лорд Лоредар. Мы рзучивали новый аккорд...

— Вот как? — Лорд уселся на оставленную скамью, положил ногу на ногу и обхватил колено пальцами. — Сыграйте мне что-нибудь, а я послушаю!

Взгляд, которым обменялись учитель и ученик, можно было истолковать как угодно, только не как радость от возможности блеснуть своими талантами. Все-таки, не желая спорить с родителем, Лаотор поудобнее взял лютню, примерился, устанавливая пальцы на грифе, и ударил по струнам.

Лицо мастера Неара окаменело. Его ученик правильно ставил пальцы, пытаясь прижать струны к грифу, но вот соразмерить силу и глубину звука ему не было дано — вместо нужных аккордов получались какие-то хрипы, почти не имеющие ничего общего с положенным. Он просто не слышал, где фальшивит, убежденный в том, что играет правильно. Проще говоря, его правая рука не знала о том, чем занята левая. Это хорошо в бою с двумя и более противниками, когда в

одной руке — меч, а в другой — кривая сабля, но никак не при игре на лютне.

Все-таки Лаотор доиграл, а оба старших эльфа дослушали до конца нехитрую мелодию, одну из немногих, которые юноша выучил в числе первых.

— На сегодня достаточно, — решительно оборвал лорд Лоредар, вставая и небрежным жестом расправляя складки своего одеяния. — Я шел за тобой, сын мой. Прощайся со своим учителем и живо переодеваться — нас ждет лорд Наместник!

Радостное выражение на лице его сына вряд ли можно было списать только на облегчение от завершившегося урока.

Леди Каллирель уже долгое время пребывала в тоскливо-отрешенном состоянии духа, и во дворце Наместника с каждым днем все больше крепили слухи, что наследница Наместника больна. Когда-то, тридцать пять лет назад, когда юная девушка с испуганными глазами появилась тут, все были уверены, что ее ждет долгая и счастливая жизнь. Но леди наследница стала чахнуть на глазах. Она могла сутки напролет не выходить из своих покоев, отказывалась от самых изысканных яств, не пользовалась украшениями и косметикой, даже не смотрела в сторону роскошных нарядов, мимо ушей пропускала обращенные к ней слова, вздрагивала от страха, если кто-то подходил к ней с вопросом. Даже сопровождавший ее на Архипелаг личный врач, человек по имени Дар, долгое время не мог распознать симптомы болезни, ибо люди ею не болеют. Считается, что от нее нет лекарства, и заболевший рано или поздно умирает, несмотря на самый лучший уход.

Но Дар-целитель как-то сумел остановить болезнь, дав девушке цель в жизни и избавив ее от страхов. Результатом стало рождение ребенка — сына леди Каллирель и ее лечащего врача, полукровка, унаследовавшего от своего отца кроме темного цвета волос и глаз еще и способности к целительной магии.

Испугавшись мести лорда Наместника, Дар-целитель бежал с Радужного Архипелага и несколько лет скрывался, твердо убежденный в том, что за такое обращение с пациент-

кой его по голове не поглядят. Наместник Калливар в самом деле какое-то время пребывал в гневe, рвал и метал, грозился растереть не оправдавшего доверия врача в порошок. Но вид хорошеющей на глазах, выздоровевшей дочери и, самое главное, крепенького и весьма энергичного внука полностью изменил его мнение. Он пустился на поиски врача, дабы женить его на своей дочери и обеспечить леди наследнице нормальную семью.

Однако вскоре выяснилось, что опоздал — перебравшийся в земли людей Дар-целитель успел встретить там человеческую девушку и женился на ней, наотрез отказавшись расторгать брак и становиться мужем леди Каллирель. Наместник попытался воздействовать на него с помощью магии — безрезультатно. Его собственный племянник, Карадор, сын его рано умершего старшего брата, восстал против дяди и помог Дару-целителю бежать.

Наместник и его дочь вернулись на Радужный Архипелаг ни с чем. Очень скоро леди Каллирель вышла замуж за одного из советников своего отца и через положенный природой срок родила ему дочь.

Разразившаяся несколько лет спустя война с орками за Золотую Ветвь (вернее, новый виток в долгом противостоянии) нарушила ее семейное счастье. Когда армии орков подступили к границам Аметистового Острова и вторглись на его территорию, супруг леди Каллирель собрал ополчение и ринулся на врага. Но его лошадь получила арбалетный болт в шею и была убита еще на полпути до вставших стеной пешех темноволосых воинов. Она упала, рыцарь рухнул с коня и при падении сломал себе шею, так и не успев поучаствовать в боях.

Поскольку со дня заключения брака именно погибший считался наследником Наместника, лорд Карадор отказался возглавить второе ополчение, заявил, что не станет губить эльфов в бессмысленной войне и готов присягнуть на верность императору орков, если это спасет многие невинные жизни. Не иначе Карадор сказал так в надежде, что орк именно ему вручит венец Наместников, благодаря за верность, но Наместник Калливар решил иначе. Он в срочном порядке выслал племянника с Острова, приказав попутно

доставить в земли людей и внука Келлегора — дабы тот отныне воспитывался и рос в безопасности под присмотром своего отца-человека, который был главным придворным врачом королевской династии Великой Паннории.

Война не тронула Аметистовый Остров, вернее, прошла по самому его краю, так что большинство замков и поместий остались целыми и невредимыми. Количество убитых, раненых и взятых в плен не шло ни в какое сравнение с числом пострадавших на Коралловом Острове, где, по самым скромным подсчетам, погиб или попал в плен каждый третий. После того как сам Наместник Наринар Янтарный, старейший в Совете Наместников эльф, присягнул на верность императору Хауку Первому, остальные его коллеги были просто вынуждены сделать то же самое. Одни, как лорды Шандиар Изумрудный и Эльдар Нефритовый, сделали это добровольно, другие — под давлением обстоятельств. Нашлись и такие, кому было просто все равно.

Леди Каллирель относилась к числу последних. По закону, принятому еще во времена великих королей древности, женщина сама не могла наследовать власть, но приносила ее в качестве приданого своему супругу. Короче говоря, брак с наследницей делал и ее мужа наследником, что вело к смене правящей династии. Лишь недавно этот закон был изменен императором Хауком — после случившегося некоторое время назад мятежа. Тогда несколько лордов и леди Наместников объединились и решили свергнуть императора-орка, посадив вместо него дальнего родственника древних королей. Случайность помешала заговорщикам довести дело до конца — заговор был раскрыт. Стоявший за ним Орден Видящих ликвидировали, а группа заговорщиков распалась. Лорд Эльгидар Нефритовый был убит, погибла леди Свирель Коралловая, добивавшаяся заодно и пересмотра порядка наследования на своем Острове, а лорд Отрандир Обсидиановый испугался последствий и сам сдался на милость императора, заодно раскрыв всю подноготную заговора и выдав остальных его участников.

Император Хаук поступил достаточно милосердно — он всего-навсего лишил лорда Отрандира звания Наместника, утвердив в должности Наместницы его дочь, леди Отрирель

Обсидиановую. По закону девушка должна была принести венец Наместников своему новому мужу, но леди Отрирель заявила, что не станет связывать себя узами брака никогда и ни с кем. От своего первого супруга, лорда Эльгидара, она понесла ребенка и после рождения сына объявила наследником именно его, став при этом полноправной Наместницей.

Леди Каллирель могла бы поступить точно так же — добиться, чтобы после отца Наместницей объявили именно ее, — но не хотела. Ибо, во-первых, у нее не было рожденного в законном браке сына, а в отличие от снежных эльфов у их южных сородичей дочь дочери не являлась наследницей. А во-вторых, где-то еще жил и здравствовал кузен леди Каллирель — лорд Карадор по прозвищу Шутник. Еще с детства юноша выказал неугомонный живой нрав, прославился как любитель шуток и розыгрышей. Некоторые даже вздохнули свободно, когда Наместник Калливар выслал племянника с Острова, запретив ему появляться на территории Радужного Архипелага. Кроме того, Каллирель сама не хотела что-либо предпринимать. Она просто плыла по течению жизни, все больше уходя в себя. Лишь маленькая дочь, требовавшая внимания и материнской заботы, как-то удерживала ее в сознании, но всем и каждому уже было ясно — болезнь прогрессирует и скоро одержит победу.

Большую часть времени леди Каллирель сидела сложа руки то у окна в своих покоях, то на скамейке в парке, рассеянно слушала болтовню девушек, шуточки пажей, чтитц-декламаторш или музыкантов. Она не танцевала, отказывая приглашавшим ее лордам, не пела, не играла в фанты, почти не занималась рукоделием или составлением букетов. Все, на что ее хватало, — это проявление слабого интереса, когда к ней с каким-то вопросом обращалась дочь.

Сейчас девочка бегала по большой поляне между круглыми клумбами за пестрыми бабочками, смеясь так звонко, что три пажа и еще одна девчушка не могли ее перекричать. Мать второй девочки и несколько девушек присматривали за детьми, а леди Каллирель сидела в одиночестве, следя за дочерью взглядом. Не то чтобы она боялась, что девочка споткнется, просто это уже стало привычкой.

Эльфийка не услышала осторожных шагов и даже вздрогнула от звуков голоса:

— Рад видеть вас, леди Каллирель!

— Да, — помолчав, промолвила она. — Да...

Какое-то время ее собеседник переминался с ноги на ногу, ожидая, пока на него обратят внимание.

— Сегодня чудесная погода, — попытался он найти тему для разговора.

— Да, — тем же тоном отозвалась леди.

— Ваша дочь — настоящая красавица! — предпринял собеседник вторую попытку завязать разговор. — И так похожа на вас...

— Да, — послышалось в ответ.

— Миледи, — помолчав, тихо воскликнул гость, — вы не рады меня видеть?

— Нет, — ровным голосом отозвалась она, не отрывая взгляда от бегущей туда-сюда дочки.

Ее собеседник испустил тяжкий вздох, но остался стоять на месте, рассматривая профиль леди Каллирель.

Бабочка наконец была поймана, и девчушка со всех ног бросилась к матери, чтобы показать пленницу.

— Мама, мама, ты только посмотри! — издали закричала она, неся насекомое в сложенных лодочкой ладошках. — Какая красавица!

Лицо леди Каллирель оживилось, она подалась вперед, навстречу ребенку.

— Это действительно прекрасно, моя милая, — произнесла она наигранно-веселым тоном, глядя на дочь. — Какие крылышки...

Девочка остановилась перед матерью, гордо демонстрируя свой трофей. Бабочка скреблась в ее ладошках, стремилась вылезти на волю.

— Мама, а давай она будет жить у нас? Я назову ее Красоткой! Правда, здорово?

— Нет, моя милая, — леди Каллирель погладила дочь по голове, — ей у нас будет скучно. Давай ее отпустим?

— Она полетит к своим деткам, маленьким бабочатам? — прозорливо предположил ребенок. — Они без нее будут плакать?

— Да, милая. Деткам будет плохо без мамы. — Склонив голову набок, леди Каллирель внимательно смотрела на дочь.

— Тогда лети! — Та раскрыла руки, перепачканные пылью, и бабочка сорвалась в воздух. — Лети к своим малышам! Скорее! А то они там одни...

— Ах ты, моя умница! — Леди Каллирель обняла дочь, прижала ее к себе. Девочка, вывернув шею, попыталась отыскать бабочку глазами.

— Мама, она не летит к своим деткам! — воскликнул наблюдательный ребенок. — Почему?

— Наверное, ей сначала надо принести им покушать... ты есть не хочешь?

— Не-а, — помотала головой девочка.

— Нет так нет, — вздохнула Каллирель.

— Но миледи, детям пора обедать! — всплеснула руками придворная дама.

— Хорошо, — кивнула молодая женщина. — Тогда отведи-те детей в столовую!

— Да, госпожа.

Подозвав к остальным свою дочь и трех пажей, придворная дама поспешила к замку. Половина девушек последовала за ними, но некоторые остались.

— А вы не хотите обедать? — поинтересовалась одна из фрейлин.

— Нет. — Проводив взглядом дочь, леди Каллирель опять сложила руки на коленях, глядя прямо перед собой. Ее собеседник неуверенно топтался рядом.

Эту сцену наблюдал из окна своего кабинета лорд Наместник Калливар Аметистовый.

Свою единственную дочь Наместник любил слепой отцовской любовью, прощая Каллирель многие недостатки и не желая замечать то, что другим бросалось в глаза. В свое время он сильно переживал потерю ее матери, которая во время одной из локальных войн с орками решила навестить супруга в армии, чтобы сообщить о наступлении долгожданной беременности. Уже на обратном пути леди Наместница попала к оркам в плен и была продана куда-то в земли людей. Наместник Калливар рвал и метал, предпринимал отчаян-

ные попытки найти жену. Отец как раз в то время и передал ему бразды правления, поскольку того внезапно свалила *болезнь*. Прежний Наместник, действительно угасший буквально на глазах, говорил о каком-то проклятии, тяготеющем надо всех их родом. В самом деле, семью буквально преследовали несчастья. Сначала у его собственного отца погибли в один день сестра, маленькая дочь и племянник, а сын-наследник чудом остался в живых, потом он сам пережил двух жен, умерших при родах, в один страшный день трагически погиб его старший сын, затем жены и ребенка лишился младший...

Калливар тогда волей-неволей прислушался к словам родителя, но выбросил все тревожные мысли из головы, когда получил назад свою дочь, Каллирель. И был практически счастлив...

До недавнего времени.

Овдовев, Каллирель начала чахнуть. Она постепенно уходила в себя, никак не реагировала на попытки ее расшевелить. В отчаянии Наместник принял решение, которое долгое время гнал от себя, — написал в Паннорию к своему несостоявшемуся зятю, Дару-целителю, чтобы тот приехал и помог ему спасти дочь — ведь у них был общий ребенок. Несмотря на то что в пересчете на человеческие годы Келлегору было тридцать три, по эльфийским меркам он оставался совсем ребенком. И выглядел как подросток не старше пятнадцати лет — сказало влияние отца-человека, ибо полукровки взрослеют раньше своих чистокровных братьев-сестер.

Однако на письмо, написанное почти полгода назад, до сих пор не было ответа. А сегодня утром доставили пакет, при одном взгляде на который у Наместника испортилось настроение.

Послание было от самого императора Хаука.

«Настоящим приказываем Наместнику Калливару Аметистовому как можно скорее прибыть в Цитадель и представить нам своего наследника лорда Карадора Аметистового или же предъявить весомые доказательства его смерти. В этом случае император сам назначит нового наследника из числа ближайшей родни».

Вот так. Всего несколько слов, но какими тяжелыми они были!

Своего племянника лорд Калливар не то чтобы не любил — ревновал к памяти брата. Ведь долгое время сам Калливар и его жена не могли иметь детей, и сирота-племянник должен был стать наследником. Исчезновение жены, годы бесплодных поисков и, наконец, возвращение — но не желанного сына, а дочери — еще больше подточили характер Наместника. Власть уплывала от него в руки беспутного родственника.

Каким спасением мог бы стать брак Каллирель! Но Дар-целитель отказался брать в жены эльфийскую деву, а второе замужество принесло его дочери лишь раннее вдовство и опять-таки дочь, которая никак не могла стать наследницей. Эх, если бы Келлегор не был полукровкой, да еще с магическими способностями! Правда, после разгрома Ордена Видящих отношение к мужчинам, наделенным волшебной силой, стало меняться, но все равно большинство эльфов пока глядели на магов с предубеждением. Лорд Калливар консультировался с Хозяйкой Аметистового Острова — одной из немногих Видящих, после роспуска Ордена оставшихся на своих постах, — и она сказала, что целительная магия относилась к магии Жизни-Смерти, то есть к ордену Йови-Тало, а там рядом стоит некромантия... В общем, Совет Наместников никогда не проголосует за то, чтобы с ними вместе заседал некромант. Правда, после недавнего случая, когда император своей волей поставил Наместником на Коралловом Острове незнатного эльфа, оказавшегося бывшим любовником покойной леди Наместницы и настоящим отцом ее ребенка, стало ясно, что Совет теперь ничего не решает.

Лорд Калливар посмотрел в окно. Каллирель все сидела на скамейке, сложив руки на коленях, и явно не слушала, что ей пытается рассказывать топчущийся рядом молодой эльф. Лаотора лорд Калливар прекрасно знал — уже не первый раз он оказывал его дочери знаки внимания. Подходящая партия для нового замужества! Но беда в том, что Каллирель никак не реагировала на попытки расшевелить ее. А сам отец слишком любил дочь, чтобы тащить под венец силой.

Негромко скрипнула дверь. Не оборачиваясь, лорд угадал

вошедшего — весьма и весьма немногие имели право входить в его рабочий кабинет, не постучавшись и не беспокоя слуг предварительным докладом о своей персоне. Тем более что маячивший внизу Лаотор как бы предупредил о его визите заранее.

— Доброго вам дня, великолепный лорд Наместник! — несколько церемонно промолвил вошедший.

— И вам тоже, высокий лорд Лоредар, — кивнул тот, поднимаясь с места. — Чем обязан вашему визиту?

— А разве недостаточно моего желания помогать в управлении Островом? Кроме того, кто даст вам советы в решении проблем?

Лорд Лоредар являлся одним из советников прежнего Наместника и остался на своем посту, когда венец получил сам Калливар. Он был одним из старейших эльфов в поместье. Про него ходили слухи, что его отец состоял в каком-то из старых магических орденов. Якобы даже успел получить звание адепта¹ прежде, чем по приказу короля Торандира Последнего все ордены, кроме Ордена Видящих, прекратили свое существование. Так это было или нет, но дочь лорда Лоредара действительно стала Видящей, а всем известно, что магические способности часто передаются по наследству. Впрочем, ни за самим советником, ни за его сыном никаких особых способностей не замечалось.

— Увы, — Наместник бросил взгляд в окно, — есть одна проблема, помочь в решении которой вы не в состоянии.

Советник подошел и тоже посмотрел вниз. Сын советника и дочь Наместника стояли рядом. Молодая женщина поднялась со скамеечки, но даже отсюда было видно, что ей скучно и хочется уйти, и лишь равнодушие и апатия не дают сделать решительный шаг.

— Леди наследница... мой сын не оставляет попыток добиться ее расположения...

— Увы, никто не может добиться от нее ничего, — вздохнул отец. — Я испробовал все средства.

¹ В древности существовало несколько магических орденов — орден Меана-Огня, орден Йови-Тало, Жизни-Смерти, орден Бора-Земли, Лар-Воды и Ша-Ветра. В каждом была своя иерархия. Но чаще всего адептом называли молодого мага, только что сдавшего «выпускные» экзамены и из разряда учеников шагнувшего на следующую ступень. — *Здесь и далее примеч. авт.*

— Успокойтесь, милорд. Надежда есть. Ваша дочь пока не потеряла полностью интереса к жизни. Обязательно найдет что-то, что разбудит ее!

Наместник Калливар вздрогнул. Финал *болезни* всегда был один и тот же — заболевший эльф однажды засыпал и больше не просыпался. Иногда последний сон настигал его где-нибудь вдалеке от дома, не в своей постели. Бывало также, что некоторые в такие минуты нарочно уходили подальше, забивались в такие закоулки, куда при нормальной жизни даже не посмотрели бы. Тело его отца, например, обнаружили только на двенадцатые сутки, совершенно случайно, в заброшенной часовне, куда никто не заходил уже много лет. Собственно, покойный Наместник был единственным, кто ее посещал. И после смерти отца под старые своды тоже практически никто не заглядывал.

— Я бы все отдал ради того, чтобы моя девочка очнулась, — прошептал лорд Калливар.

Взгляд его невольно упал на пергамент, подписанный лично императором. Советник Лоредар проследил за взглядом:

— Что это?

— Послание. Доставили буквально несколько часов назад, лорд.

Испросив взглядом разрешения, лорд Лоредар пробежал глазами пергамент.

— Я видеть его не могу, — промолвил Наместник, имея в виду племянника. — Он трус и предатель родины! И если я после всего, что он сделал, соглашусь на...

— То признаете, что прав был он, — понимающе кивнул советник. — Вы этого не хотите!

— Читаете мои мысли, советник, — вздохнул лорд Калливар. — Но проблема в том, что я все равно должен предъявить наследника! Должен хотя бы потому, что у меня его нет!

— У вас есть дочь. — Лорд Лоредар кивнул на окно. — Она ваша наследница. Ее супруг...

— Я не буду принуждать Каллирель, — упрямо покачал головой отец. — А она сама...

Лорд помолчал, пытаясь сдержать свои чувства.

— Что мне делать, советник?

Лоредар был старше Каллиреля, хотя для постороннего, тем более человеческого глаза они казались ровесниками. И сейчас старший эльф осторожно коснулся локтя младшего:

— Разрешите дать вам совет, Наместник? Выдайте вашу дочь замуж за моего сына...

— Каллирель никогда не согласится, — покачал головой тот. — Я уже сказал, что не буду принуждать дочь к браку...

— Но если Карадора не станет, вам придется это сделать — или смириться с выбором императора, когда тот назначит нового Наместника. Вспомните, как он распорядился судьбой Кораллового Острова! Вы хотите повторения прецедента?

Наместника Аметистового передернуло: не так давно, буквально пару лет назад, император Хаук весьма радикально решил подобный вопрос. Традиция предписывала устраивать открытые турниры в случае, если не остается прямых наследников власти, но император весьма ловко обошел этот вопрос. В результате венец Наместников получил бывший гладиатор, представитель одного из простых родов откуда-то с окраины Острова.

— Что значит «если не станет Карадора»? — поинтересовался лорд Калливар.

— Если я правильно понял письмо, — советник взмахнул пергаментом, — вам предписывают либо предьявить императору вашего племянника, либо предоставить доказательства его смерти. Я спрашиваю: что будет, если вы получите доказательства смерти Карадора Шутника? Вы отдадите свою дочь замуж за моего сына?

Взгляд, которым Наместник наградил своего советника, был красноречивее всяких слов.

— Конечно, никто не снимает венца с вас, великолепный лорд, — улыбнулся тот. — И вы всегда сможете издать указ, гласящий, что вашим преемником станет не мой сын, а ваш внук, рожденный Каллирель.

— Вы предлагаете мне убить моего племянника? — помолчав, промолвил лорд Калливар.

— Никто не говорит об убийстве! Просто у меня на примете есть кое-кто, кто сможет раздобыть доказательства его смерти, — тонко улыбнулся советник. — Согласитесь, это звучит более... приемлемо!

Лорд Калливар опять посмотрел в окно. Каллирель все стояла на краю лужайки, явно не зная, что делать. Она даже не вздрогнула, когда Лаотор сделал шаг и робко взял ее безвольно опущенную руку. Безучастная ко всему молодая женщина никак не отреагировала на то, что он стал нежно целовать ее пальцы.

— Хорошо, — внезапно решился Наместник. — Добудьте мне доказательства смерти Карадора — и мы поговорим о свадьбе!

Печальное лицо сына не укрылось от внимания отца, и лорд Лоредар осторожно поинтересовался:

— Что случилось? Тебе не удалось поговорить с леди Каллирель?

— Удалось, но, — вздохнул тот, невольно бросив взгляд через плечо, — она опять осталась равнодушна к моим словам!

— Ничего, сын мой! Скоро все изменится!

— Вы уверены, отец?

— Более чем! Надеюсь, не пройдет и года, как она станет твоей невестой, а потом и женой!

— Лорд Калливар дал согласие на наш брак? — Юноша так и подпрыгнул в седле.

— Тш-ш, — его отец предостерегающе взмахнул рукой, — не кричи так громко, иначе спугнешь удачу!

Оба невольно оглянулись по сторонам.

До замка советника было не так уж далеко, но по традиции знатные эльфы почти не ходили пешком в гости. Тем более что большая часть поместья-столицы Аметистового Острова представляла собой запущенный парк. Вековые деревья смыкали кроны над густыми зарослями кустарника и молодой поросли. Лишь кое-где садовники следили за тем, чтобы не зарастали аллеи, и сухостой не слишком загораживал посыпанные цветным гравием тропинки. Если бы не редкие поляны, на которых были разбиты клумбы, не аллеи и не эти дорожки, легко можно было бы поверить, что вы оказались в настоящем диком лесу. Кроме того, время от времени среди деревьев попадались беседки и небольшие павильончики, а на полянах стояли статуи.

Отец и сын ехали по гравийной дорожке, пролегавшей по липовой аллее. Липы только начали цвести, и медовый запах пока еще не дурманил головы.

В конце дорожка раздваивалась — одна ее половина уходила в лес, а другая ныряла в продолжение аллеи, где впере­мешку с липами стояли тополя. На перекрестке виднелась статуя — совершенно нагая молодая девушка с распущенны­ми волосами, почти ребенок, закрывала лицо руками, явно стесняясь своей наготы. Поза была передана настолько живо, что всякий невольно задерживал на ней взгляд, гадая, что же послужило источником вдохновения для давно почившего скульптора.

— Отец, — помолчав, поинтересовался Лаотор, — вы в са­мом деле договорились о... мм... ну, о нас с Каллирель?

— Да, — кивнул советник. — А что тебя смущает?

Как раз в этот момент они подъехали к перекрестку, и оба невольно бросили взгляд на тропинку, сворачивающую в лес. Было видно, что тропа ведет к строению, сложенному из темных камней. Дорожка была заброшена и медленно зарас­тала травой и кустарником. Последний раз ею явно пользо­вались очень давно.

— Боишься не справиться? — Отец проследил за взглядом сына.

— Опасаюсь, — уклончиво ответил тот.

— На этот счет не беспокойся. Я все сделаю за тебя!

Лаотор отвернулся, пришпорил коня и галопом поскакал по аллее прочь. Советник чуть задержался, бросил послед­ний взгляд на заброшенную часовню, где много лет назад уснул вечным сном прежний Наместник Аметистовый. Весь­ма немногие знали, что лорд Каллимир не просто так зашел сюда в свой последний час.

Карадор присел на край крыши, свесил одну ногу вниз. Посидел немного, глядя на уснувший город и дыша прохлад­ным ночным воздухом, потом полез в кошелек на поясе. Вы­нул палочку контрабандного геронтийского табака, тща­тельно откусил кончик и только было собрался высечь искру, как до его острого слуха донеслось отдаленное гроыхание при­ближающихся шагов. Кто-то шел к нему по крыше, ступая с

осторожностью человека, не так хорошо, как эльфы, видящего в темноте. Но за несколько секунд до того, как слабый отсвет факела озарил его спину, эльф спокойно обернулся, посмотрев на приближающегося молодого человека.

— Привет, — сказал он, когда тот остановился в двух шагах от края. — Ты что тут делаешь?

— А ты? — Молодой человек поискал глазами, куда воткнуть факел, но не нашел и присел на крышу, держа его в руке.

— Отдыхаю. — Карадор протянул сигару к факелу, зажег и затянулся.

— Я тоже... отдыхаю. — Молодой человек посмотрел вниз. На дворцовой стене горели огни — туда-сюда прохаживалась ночная стража. — Слушай, дай затянуться!

— Курить — здоровью вредить! — наставительно промолвил Карадор, но тлеющую с одного конца палочку все-таки подал. Его собеседник жадно вдохнул дым и закашлялся. — Что я говорил?

— Ты же куришь! — с некоторой долей обиды, прокашлявшись, возразил молодой человек.

— Ну, так я и не человек! А с вами, людьми, поведешься — и не того наберешься!

Какое-то время они молча курили одну сигару на двоих, передавая ее из рук в руки.

— А ты чего домой не идешь? — Молодой человек указал на силуэт эльфийского посольства. Острые шпили слабо светились в ночной темноте серебристо-голубым светом.

— Да ну, — отмахнулся Карадор. — Поздно уже. Да и завтра с утра пораньше все равно нужно было сюда возвращаться...

— Да уж!

При воспоминании о том, что предстоит завтра, лицо молодого человека помрачнело. Он прикусил губу, невольно сжал кулаки. Карадор боковым зрением заметил, как изменилось лицо собеседника, понимающе похлопал его по руке:

— Не бери в голову. Подумаешь — женитьба!

— Тебе легко говорить! — фыркнул тот. — Тебя никто не заставляет...

— Как раз меня-то и заставляют, — вздохнул Карадор. — Как думаешь, почему я ночью то во дворце, то в Тайной

службе? У меня там, — он ткнул сигарой в сторону шпилей посольства, — восемь незамужних эльфиек. Из них пятеро — старше меня! Все восемь вбили себе в голову, что раз я не женат, то просто обязан хотеть создать семью.

— И что, домогаются?

— Просто ужас! — Карадор затянулся, подержал дым во рту и выпустил несколько колечек. — Караулят у двери, ходят по пятам даже до нужника, — его собеседник захихикал, — одна из них в окно пыталась залезть!.. Где-то на карнизе зацепилась платьем, застряла и провисела до утра. Крикнуть и позвать кого-нибудь на помощь постеснялась, а я в ту ночь так вымотался, что спал как убитый и ничего не услышал.

— Ты — и не слышал? — не поверил молодой человек. — Но ведь у вас, эльфов, чуткий слух!..

— Говорю тебе — спал я!.. Но лучше бы проснулся! Поскольку снимала ее утренняя стража, она вообразила, что ее честь пострадала и у нее теперь как у «жертвы обстоятельств» есть преимущество перед остальными!

Докурив сигару, Карадор бросил окурочек с крыши. Его собеседник проследил за полетом красной точки, и эльф тоже скосил глаз, но с осторожностью — большинство представителей этой расы боятся высоты.

— Слушай, — помолчав, промолвил молодой человек, — Карадор, а как ваши девушки... ну... как бы тебе сказать... В общем, как они... э-э...

На его щеках проступил румянец, заметный даже в темноте.

— Даральд, — строго произнес эльф, — у тебя завтра свадьба! Как ты можешь в такую ночь думать о посторонних женщинах?

— Во-первых, еще не свадьба, а помолвка, — возразил тот. — А во-вторых, я...

— Скоро не буду думать о посторонних бабах вообще, — грубовато перебил Карадор.

— Да! — с облегчением воскликнул Даральд.

Какое-то время они смотрели друг на друга — человек умоляюще, а эльф внимательно и вопросительно.

— Что, страшно? — понимающе промолвил эльф.

— Не то слово!

— Но ты же Дисану не первый день знаешь!

— В том-то и дело! Никак не могу представить ее в роли жены! Кузины — еще куда ни шло, а вот супруги... У моих родителей все было не так!

— У ее родителей — тоже, — хмыкнул Карадор, вспомнив события почти тридцатилетней давности.

— А у твоих родителей как было? — замирая от предчувствия чего-то необычного, поинтересовался Даральд.

Его собеседник некоторое время молчал, копясь в кошельке на боку.

— Никак, — наконец с явной неохотой произнес он. — Я отца не помню. Он как-то странно умер, когда я только что родился. Даже не успел узнать, что на свет появился мальчик... Мама вскоре после этого заболела, и тоже... просто легла спать и не проснулась. Я помню — утром прибежал к ней в комнату, она лежит на постели, а все стоят вокруг и смотрят, как она спит. Просто стоят. Я тогда спросил: «Вы ждете, когда она проснется? Почему вы ее не разбудите?» Мне дедушка сказал что-то вроде того, что она теперь долго будет спать... Я не поверил — запрыгнул к ней на постель, стал ее тормошить, а она...

— Мертвая? — подсказал Даральд.

— Угу. До меня не сразу дошло. Даже после того, как ее положили в склеп, я часто к нему приходил — все ждал, что мама проснется. Часами там сидел... Меня дядя и тетка вырастили. У дяди Калливары долго детей не было. Они меня баловали. Это я потом уже от рук отбился. — Карадор неожиданно улыбнулся своим мыслям. — Слушай, а давай напьемся?

— Что? — Даральд не поверил своим ушам.

— А чего? Тебе же надо набраться храбрости? Заодно по девочкам пройдемся. А?

Он подмигнул наследному принцу, и тот проворно вскочил на ноги.

Фрозинтар въехал в Альмирааль совершенно открыто.

В столице Великой Паннории с давних пор существовало торгово-политическое представительство Радужного Архипелага в землях людей. И то обстоятельство, что несколько

лет назад государство эльфов было завоевано орками, официально прекратило свое существование и вошло в состав новой Империи Ирч, никоим образом не меняло суть дела. Перворожжденные продолжали жить в представительстве, разъезжали по столице и окрестностям, а один из них с некоторых пор вообще работал на короля Кейтора, возглавляя отдел эмиграции в Тайной службе. То есть эльфом стражу на воротах было не удивить. Удивление мог вызвать другой факт — означенный эльф не направил свои стопы в посольство, а остановился в одной из гостиниц, выбрав при этом не самую презентабельную. И в течение следующих нескольких дней практически не показывался никому на глаза. То есть вел жизнь настолько уединенную, что даже не все постояльцы знали, кто их сосед.

В общий зал Фрозинтар тоже не спускался, предпочитал, чтобы нарочито скромный обед и ужин доставляли ему в комнату. Служанка, носившая эльфу еду, удивлялась, что почти весь обед оставался нетронутым — неизменно заказываемая мясо, булочки, творог, сладости и изредка кое-какие разносолы, постоялец всегда ограничивался тем, что пробовал принесенное вино и слегка надкусывал хлеб.

Вот и сейчас обед оказался цел. Служанка поставила рядом с подносом новый и с некоторой тревогой оглянулась на постояльца.

Эльф лежал на постели, отвернувшись к стене. Он даже не повернул головы, когда женщина вошла.

— Господин? — позвала служанка. — Господи-ин?

— Что? — помолчав, ответил он.

— С вами все в порядке, господин?

— Д-да. Убирайся!

— Но вы опять ничего не съели! — Прислужница взяла поднос с обедом.

— Съем, н-не беспокойся. Оставь меня!

— Как прикажете, господин... Но вы точно все съедите? — поинтересовалась она уже от дверей.

— Да, г-гоблины тебя сожри! — с надрывом воскликнул он.

Служанка захлопнула дверь.

Но поздно вечером неясная тревога снова погнала ее наверх, к странному постояльцу. Несмотря на то что эльфы не

были для Альмраала такой уж диковинкой, многие горожане никогда не видели представителей этого народа вблизи. Кроме того, появилось вполне обоснованное опасение — никак этот эльф собирался уморить себя голодом! Он ведь несколько дней практически ничего не ел!

Крадучись, служанка поднялась по лестнице. Гостиница при трактире была небольшая, всего на десять комнат, но сейчас заняты оказались только шесть. Эльф проживал в последней из них — по коридору и направо. Добравшись до двери, служанка тихо толкнула ее. Она не хотела стуком беспокоить постояльца. Просто заглянет одним глазком, убедится, что с ним все в порядке и...

Хвала богам! Эльф больше не лежал на постели, отвернувшись к стене, а сидел у стола и неотрывно смотрел на пламя свечи. Она прогорела больше чем наполовину, через час постоялец окажется в полной темноте. Ужин стоял на подносе — сегодня эльф не притронулся даже к вину.

В комнате что-то было не так. Служанка не сразу смогла понять это, а потом жилец поднял голову и в упор посмотрел на нее:

— Ты что тут д-делаешь?

— Я... господин, я, — женщина от смущения покраснела, — простите, если нарушила ваш покой, но...

— Входи.

Произнесено это было таким тоном, что она не осмелилась перечить. Осторожно прикрыв за собой дверь, остановилась на пороге, теребя передник и не зная, куда девать глаза.

Эльф поднялся, мазнул длинными пальцами по столу.

— Тебя к-кто-нибудь видел?

— Нет, господин, я... Нам запрещают беспокоить постояльцев так поздно, кроме того...

— Подойди.

Фрозинтар смотрел, как служанка подходит, глядя в пол. Человеческая женщина, уже не юная особа, на вид лет тридцати, но не расплывшаяся от частых родов, как большинство ее ровесниц. Двумя пальцами он поднял за подбородок ее голову, взглянул в лицо.

— Ты еще д-девушка?

Щеки служанки мигом покрыл румянец, заметный даже в темноте.

— Нет, — прошептала она еле слышно, уже догадываясь, что может произойти дальше.

— Это ничего н-не значит, — прошептал эльф, привлекая ее к себе.

Его лицо оказалось совсем близко от лица служанки — чуть вытянутое, какое-то неестественно бледное, с резко выдающимися скулами и пергаментно-сухой кожей. Совсем не такое лицо должно быть у утонченных красавцев-эльфов. Чудилось в нем что-то подозрительное. И руки его были как-то странно холодны. И глаза в провалах глазниц почему-то лихорадочно блестели...

Взглянув в глаза эльфа, служанка внезапно увидела его вертикальные зрачки. И похолодела от страха.

Но было уже поздно.

Через несколько минут Фрозинтар мягко вскочил на подоконник, пригнувшись, пронзил острым зрением ночную темень. Двигалось легко и свободно, жизненная сила буйным конем скакала по жилам, энергия бурлила и требовала выхода. Правда, ее должно было хватить всего на несколько часов, но этого достаточно.

Личных вещей у эльфа почти не было — он предпочитал путешествовать налегке, — и сейчас покинул комнату на постоялом дворе без малейшего сожаления и желания возвращаться. Несколько серебряных монет (он предпочитал иметь дело с этим металлом) должны были как-то компенсировать владельцам постоялого двора все расходы. О судьбе женщины, чье тело ему пришлось аккуратно уложить на свою постель, эльф не задумывался. Не она первая и не она последняя! Возможно, даже выживет...

Еле ступая по крыше ногами, обутыми только в носки (короткие сапожки висели за плечом), Фрозинтар легко пробежался по крыше, перескочил на соседнюю и продолжил свой бег. Иногда он внезапно замирал, пригнувшись и почти распластавшись на кровле. Его обостренные чувства давали почти полную картину окружающего мира: в отличие от людей, эльф мог различать даже цвета, хотя и сильно приглу-

шенные темнотой. Но звуки и запахи были доступны во всех тонкостях и всем богатстве гаммы. Можно сказать, что он видел и чуял все, оставаясь заметным разве что для летучих мышей и пары кошек.

Заведение «На рогах» украшала гордая надпись: «У нас нет таблички «ЗАКРЫТО». Толкнув дверь, Карадор подмигнул своему спутнику:

— Ну, видишь? Мы вовремя!.. Мариль! Мари-и-и-иль! — Его пронзительный голос легко перекрыл и музыку, и гомон голосов, и шарканье ног. На дощатом помосте извивались и задирали ноги танцовщицы, демонстрируя чуть меньше того, что требовало заведение подобного рода. Десятка три мужчин — большинство люди, но попалось и несколько полуорков и один темный альфар — ели, пили, глазели на девочек, кидали кости, разговаривали. Практически никто не обратил внимания на новых посетителей.

— Мариль! — закричал Карадор, протискиваясь к стойке. — Мариль, где ты там?

На шум из подсобки выплыла сама Мариль — содержательница заведения. Когда-то она подрабатывала здесь танцовщицей, но несколько лет назад благодаря своим связям смогла приобрести сие заведение в полную собственность, сразу остепенилась и растолстела. Полное лицо расплылось в улыбке, когда она увидела, кто ее окликает.

— О, красавчик Каро! — воскликнула женщина. — Ну, наконец-то! Давно не заглядывал! Кто это с тобой?

Принц Даральд, который крайне редко ускользал из дворца таким способом (через забор на заднем дворе), надвинул на глаза капюшон темного дорожного плаща, честно украденного его спутником в караулке. Он даже вздрогнул, когда эльф рывком обнажил его голову.

— О, — хозяйка попыталась изобразить придворный реверанс, что благодаря ее танцевальному прошлому получилось очень изящно, — ваше вы...

— Тсс! Тихо. — Карадор быстро взял ее под локоть. — Мы тут как частные лица. Так что нам, пожалуйста, отдельный кабинет и спецобслуживание! А то смотри — отправимся в другое место!

— Ладно, — вздохнула Мариль. — Пошли за мной!

Хозяйка кабачка важно проплыла в противоположный конец зала. Там она широким жестом предложила поздним гостям проследовать в небольшой кабинетик и щелчком пальцев подозвала подавальщицу.

— Обслужи по высшему разряду! — распорядилась Мариль и удалилась.

— Та-ак... — Карадор по-хозяйски развалился на скамье, забросив ноги на край столешницы. — В общем, для начала по бутылочке «Императорского ликера», под него — седло барашка и свиные ребрышки в маринаде. Потом две порции мяса по-орочьи и к ним что-нибудь покрепче, вроде «Зеленого дракона». А завершим все «Галлюцинацией» и... что там у вас есть остренького?

— Есть новое блюдо «Крысиные бега», — отрекомендовала служанка.

— А это чего?

— У нас повар — орк, он держит рецепт в секрете! — заговорщически подмигнула служанка.

— Отлично, и побегаем в конце! — обрадованно воскликнул Карадор. — А пока все это несут, давай нам пива и сырной нарезки!

Служанка обернулась так быстро, словно все перечисленное уже было готово заранее.

— Ну и ну! — Даральд осторожно пригубил пиво из огромной кружки. — Здорово!

— Погоди, это еще только начало! — Карадор приник к своей кружке с таким видом, словно у него с утра маковой росинки во рту не было. — Вот потом отсюда пойдем в таверну «У Брехта»! Там мясо по-орочьи готовят совершенно по-другому, с натуральными приправами. И там такое пиво! Одного темного четырнадцать сортов! Рекомендую попробовать «Темного эльфа».

— А это какой сорт?

— Мм-м-м, — Карадор покатал на языке глоток и подмигнул служанке, которая как раз в эту минуту вносила поднос со свиными ребрышками, — это ведь «Королева осени», так?

— Да, милорд, — улыбнулась девушка.

— А «Гнев монарха» есть?

— Специально для вас можем открыть бочонок!

— Тогда тащи!

— Ты так хорошо разбираешься в сортах пива? — поинтересовался принц Даральд, когда требуемый «Гнев» доставили им для дегустации.

— А ты — нет?

— Ну, я все-таки принц и...

— И мужчина двадцати восьми лет от роду! В твоём возрасте уже лет пять как пора быть экспертом! Вот ты Тана Одноглазого помнишь?

— Ещё бы!

Принца передернуло, и он поскорее поспешил залить воспоминания несколькими глотками пива. Всего несколько месяцев состояли на службе у его отца «нелюди короля», среди которых был одноглазый любитель выпить, но этого оказалось достаточно, чтобы об их подвигах до сих пор ходили легенды.

— Так он двадцать шесть сортов темного пива может называть, даже если его разбудить среди ночи! — наставительно поднял палец Карадор. — Я по сравнению с ним просто сопляк!

Стол быстро устали бутылками, кружками, тарелками и блюдами. Оглядев все это великолепие, Даральд присвистнул:

— А у нас денег хватит?

— За счет заведения! — Карадор кинжалом сбил пробку с бутылки «Императорского ликера», понюхал и щедрой рукой плеснул в обе кружки, свою и принца.

— Э-эй! — попытался запротестовать Даральд. — У меня там ещё было...

— Тогда допивай живо, и я тебе по второй налью. «Императорский ликер» надо смаковать!

Он за доньшко приподнял кружку, внимательно следя, чтобы принц выпил все до капли, после чего наполнил его кружку снова.

Приземлившись на край крыши, Фрозинтар плавно перенес вес своего тела на водосточный желоб, нашел пальцами рук и ног опору и устроился поудобнее. Со стороны он казался невесть как прилипшей к скату крыши огромной лягуш-

кой, но для эльфа сейчас чужое мнение ничего не значило. Осторожно подняв правую руку, он пошевелил пальцами, разминаясь, а потом проверил, легко ли выходит из ножен кинжал. Другого оружия при нем не было, да он и не любил его носить.

Ждать пришлось недолго. Буквально через полчаса — совсем немного для того, кто мог замирать вот так на несколько дней, — из распахнутых дверей вывалились две фигуры и, поддерживая друг друга, заковыляли по ночной улице. Некоторое время Фрозинтар смотрел им вслед, а потом осторожно пополз следом, прижимаясь к крыше. Кинжал пока остался в ножнах. Может быть, он так там и останется...

— Эт-то... то пиво... ой!

— Стоять!

— Ой, мама... А чего это... ох... гоблин!

— Тихо-тихо-тихо...

— Ой, ё... ч-чего это земля шевелится?

— М-да, не надо было мешать «Темного эльфа» с «Белой королевой»!

— Слушай, а давай споем, а? Еха-а-ал рыца-а-арь па-а-а дар-роге-е-е...

— Тихо ты! Не ори!

— Я — ик! — не ору! Я п-пою, а т-ты...

— А я веду тебя домой! Вот так... тихо-тихо, ножками-ножками...

— Ч-чего? Домой? Не хочу домой! Ты мне это... того... ну, женщин обещал! Хочу женщину!

— Ты в таком состоянии еще о женщинах думать можешь?

— А т-ты — нет?

— Нет! О женщинах не надо думать! Их надо... любить!

— О, точно! Пошли любить!.. Лю-убви хочу-у-у-у...

— Ладно-ладно, будет тебе любовь... Да ты сам хоть иногда ноги переставляй! Я ж тебя не дотащу!

— Мы идем к женщинам?

— К женщинам, к женщинам...

— Ур-ра!

Хорошо быть нелюдем! Там, где человек не знает, куда ногу поставить, нелюдь пройдет танцующей походкой, навсистывая под нос веселый мотивчик. Там, где человек с трудом в темноте различает пальцы вытянутой руки, для нелюдя царит лишь приятный полумрак. Там, где человеку кажется, что он оглох, нелюдь различает шорохи и шепотки. А мир запахов!.. Тут обоняние людей не выдерживает никакого сравнения.

Тара не задумывалась над тем, кем являлись ее родители. Девушке достаточно было знать одно — лишь один из них был человеком и оба они наверняка считались чистокровными представителями своей расы, иначе в результате их связи не появилась бы полукровка, в которой гармонично сочетались признаки обеих рас.

За острый носик, зеленые раскосые глаза и тонкие черты лица, а также копну рыжих волос ее звали Лисичкой. За грациозную походку, ловкость и гибкость — Эльфенком, а за привычку нападать из-за угла — Тайной.

Кстати, слово «гармонично» в лексиконе Тары отсутствовало — его заменяло слово «клево». Впрочем, справедливости ради надо сказать, что совсем уж необразованной девушку назвать было нельзя — в сиротском приюте при храме Девы Усмирительницы, где Тара провела первые двадцать неимоверно долгих лет жизни, ей пытались дать образование и привить кое-какие полезные в обществе навыки. Порой Тара пользовалась полученными знаниями — когда надо было прочесть объявление, кого из ее приятелей разыскивает Тайная стража, или если надо было, переодевшись в краденое платье, сыграть роль знатной деллы¹, дабы отвлечь внимание «цыпленка»².

Прижавшись к углу дома, Тара поигрывала острым трехгранным стилетом, прислушиваясь к доносящимся с другого конца улицы голосам. Девушку била легкая дрожь — выливались волнение, нетерпение, охотничий азарт и самый обыкновенный страх. Ее занесло сюда случайно, это не была

¹ Делла — обращение к знатной даме, буквально переводится как «дочь знатных родителей». Обращение «леди» указывает на то, что эта женщина получила титул лишь благодаря браку с лордом, а не по праву рождения.

² Цыпленок — здесь: лорд, которого собираются ограбить.

территория ее банды, и оставалось лишь гадать, что сделают с нею хозяева этого района, если поймают на месте преступления. Весь Альмрааль поделили на охотничьи угодья между различными «стаями». Охотиться на чужих улицах не разрешалось никому.

Тара подавила вздох. Ведь предлагали же ей перейти в банду Хариуса, еще весной предлагали! Тогда она отказалась, о чем теперь жалела. Нет, конечно, это не его улица, но совсем близко к границам, так что в случае чего можно было бы соврать, что «пасла дичь» и чересчур увлеклась преследованием. Эта уловка сработала бы в том случае, если бы девушка ходила под началом Хариуса, но здесь она вдвойне чужая. А Мышелов, местный «вожак», мужчина серьезный. Он чужачку не потерпит. На ножи ее, конечно, никто не поставит, но разборке между бандами быть.

...А у Хариуса ей жилось бы хорошо! У него четырнадцать ножей вместо восьми у Чекана, в «стае» которого охотилась сама Тара. Причем один нож принадлежал самой девушке, поскольку у Чекана просто-напросто не хватало бойцов. Да, если ее тут поймают, разборка не избежать. Кроме того, под началом Хариуса ходит сам Зайка — синеглазый блондин, по которому сохнут все девчонки, даже шлюхи из Лоскутного квартала.

Уважающая законы улицы девушка уже хотела бросить все, но уж больно заманчивой была добыча. Двое мужчин, оба, судя по одежде, типичные «цыплята». К тому же пьяны — желанная добыча для любого охотника. Правда, один из них, похоже, нелюдь, что существенно осложняло дело. Но да ничего. Главное — атаковать внезапно и сразу нанести удар.

Тонкие пальцы ласково погладили рукоять стилета. Место для засады она выбрала удачно — за углом дома. Мимо эти «цыплята» не пройдут, место тут глухое, тихое. Даже если она и наделает шума, вряд ли кто-то из обывателей высунет нос посмотреть, что происходит. Тара прекрасно могла чувствовать, где живут какие люди. Из пяти ближайших домов три внизу имели лавки — это значило, что на первом этаже никто не живет. Ближайшая лавка как раз находилась рядом, здание было ниже остальных — а это значило, что наверху нет

жилых комнат и сейчас пусто. Просто идеально! Так, теперь надо подождать.

Неверные спотыкающиеся шаги двух путников приближались. Они шагали посередине дороги, Таре следовало хоть на миг выйти из тени домов. Плохо, что один из них — нелюдь. Девушка с ходу придумала и тут же отмела в сторону план — подойти сзади, приставить нож к почкам и потребовать кошельки и драгоценности: «А иначе твой дружок будет убит... И не дергайтесь, если не хотите, чтобы вас нашпиговали болтами!» Практика показывала: мало кто геройствует в такой ситуации. Чаще всего один из попавшихся с легкостью бросал дружка и улепетывал, а оставшегося «ощипывали» с ног до головы. Но тот же нелюдь заметит, что она тут одна и в тени зданий не скрывается засада стрелков.

Значит, что? Значит, надо всего лишь насадить на стилет именно его — почки-то у всех расположены одинаково. А человеку будет не до окружающей обстановки.

Не сводившая глаз с пары «цыплят» Тара краем сознания отметила еще чье-то присутствие — тонкий слух нелюдя уловил какой-то шорох. Впрочем, она тут же забыла об этом — звук шел сверху. Скорее всего, кошка, ибо вряд ли кто из бандитов Мышелова будет преследовать «цыплят» по крышам. Таких виртуозов еще надо искать!

Поддерживая друг друга, «цыплята» проковыляли мимо. Один — человек — был довольно сильно пьян и все порывался горланить песни и властно требовал «девочек». Нелюдь казался трезвее. Когда они проходили мимо, до тонкого обоняния девушки донеслись ароматы дорогих вин и острых приправ. Только что из трактира! И наверняка оставили там почти все свои деньги!.. Вот неудача!..

Погоди-погоди, а что это там? На пальце человека блеснул перстень. И не один! Тоже неплохо! Драгоценности можно продать. Она как раз знает парочку «своих» ювелиров, к которым придется обратиться!

Решившись, Тара отлепилась от стены и сделала шаг вперед.

Стилет привычно лежал в ладони. Одно движение и...

Но мгновением раньше какая-то тень мягко спрыгнула с крыши как раз между «охотницей» и ее «цыплятами». Буду-

чи наполовину нелюдем, Тара успела заметить движение сверху, нападение не застало ее врасплох. Удивление вызывало другое — что он-то здесь делает? Ведь в банде Мышелова до сих пор инородцев не было. Или она что-то упустила?

Как бы то ни было, неизвестный легко, как пушинку, приподнял девушку и чувствительно приложил лопатками о стену.

— Н-не смей, — послышался свистящий, чуть заикающийся шепот. — Они мои!

Тара бросила косой взгляд в сторону — полупьяная парочка уходила, петляя, загибая ногами и не замечая того, что происходит за спиной.

— Ты ничего не понимаешь, — начала она спорить и заработала еще один тычок лопатками о стену.

— Нет, это т-ты ничего не понимаешь...

Но в этот момент месяц осторожно выглянул из-за облака, видимо, привлеченный их шепотом, и слабого света оказалось достаточно, чтобы конкуренты увидели лица друг друга.

Тара тихо вскрикнула, сама вжалась в стену и захотела слиться с нею, желательно навсегда. Бледное как мел, какое-то восковое лицо со странным голубоватым оттенком кожи, красные глаза, вертикальные зрачки, незаметное для людей *отсутствие* запаха... Быть того не может! Сказки! Он же должен выглядеть совсем по-другому!

Мужчина — по чертам лица типичный чистокровный эльф, разве что выше ростом и шире в плечах, чем любой представитель этой расы, — тоже отшатнулся. В глазах его разливалось безмерное удивление, смешанное с ужасом. Этот ужас был настолько велик, к нему примешивалась такая гамма чувств, что он даже не заметил, с каким выражением лица смотрит на него «охотница».

— Т-Тариель?

— Нет, нет, — отчаянно затрясла головой Тара, краем сознания все-таки отметившая явное сходство имен. — Ты ошибся! Это не я!

— Тариель, — повторил он. — Т-ты жива?

Все страшные сказки, все байки, которые так любили пересказывать друг другу девчонки в приюте, сразу пришли ей

на ум. Истории о Невесте Упыря¹ занимали в этой подборке немалое место.

— Нет! — завопила Тара во всю силу легких, не заботясь о том, что ее могут услышать. Да пусть хоть «стая» Мышелова, пусть Тайная служба — она бы сейчас была рада кому угодно, лишь бы это были *живые* существа! — Нет! Ты ошибся!

— Тариель, — он чуть отстранился, — т-ты не узнаешь меня. Что они с тобой сделали, Тариель? П-посмотри внимательнее...

— Аа-а-а-а! — заорала Тара, вырываясь из его рук. — Спасите! Помогите! Убивают!

Он еще пытался ее удержать. Девушка почувствовала, как затрещала ткань ее рубашки. Рукав порвался с треском, и, получив свободу, «охотница» со всех ног припустилась бежать.

Нервная дрожь пробилась у нее уже дома, в маленькой каморке под крышей, куда она ввалилась привычным путем, через чердачное, оно же единственное, окошко. Левого рукава не было! Он остался там! *В его руках!*

ГЛАВА 2

Король Кейтор проснулся перед рассветом. Эта привычка выработалась у него в последнее время — когда на твоих плечах ответственность за огромное королевство, нет времени валяться в постели. Тем более когда рядом не имеется смягчающего обстоятельства в лице горячо любимой (несмотря на прожитые вместе годы) супруги. Длившийся двадцать восемь лет брак с Лианой Кришталльской омрачало лишь одно — его жена очень хотела родить девочку, но на свет один за другим появились три мальчика. Явный перебор, особенно если учитывать, что Проклятие с династии владык Паннорских было снято много лет назад.

Нет, его величество одинаково сильно любил всех своих

¹ Просьба не путать! Упырем здесь называют ожившего мертвеца, восставший из могилы труп, который убивает все на своем пути, питаясь кровью и жизненной силой своих жертв. Вампир может быть вполне живым и пьет кровь потому, что такова особенность его физиологии. Жертва нападения вампира, как правило, остается в живых.

сыновей — и одинаково сильно за них переживал, ибо беспокойным нравом по крайней мере двое из троих пошли в своего отца. Двадцативосьмилетний Даральд, например, совершенно неожиданно выказал явные способности к следственному делу — приставленный к Карадору несколько лет назад в целях перевоспитания наследник престола довольно быстро проникся работой Тайной службы, как в свое время его отец. Младший же, Клеймон, родившийся через год после того, как Кейтор стал королем Великой Паннории, отличался таким же беспокойным нравом и способностью влипнуть во всякого рода неприятности, что и его венценосный папаша. Только средний, Сейлор, обладал относительно спокойным нравом — да и то спокойным он был лишь на фоне своих братьев. Взять хотя бы тот случай на охоте... Нет, лучше не вспоминать!

После того дня, когда все три принца вместе решили сбежать из дворца, чтобы пойти и по примеру отца убить дракона, король Кейтор озаботился системой внутренней безопасности. А именно, тайно от сыновей поручил своему дяде, лорду-целителю Даральду Паннорскому, разработать следящие заклинания. Тот задействовал свои связи среди эльфов, славящихся способностью придавать необычные свойства обычным вещам, в результате чего король стал обладателем трех следящих камней. На вид это были самые обычные брошки прозрачно-желтого цвета, сильно напоминающие янтарь. Вручая их королю, Даральд предупредил, что, если с каким-то из принцев случится беда, брошка помутнеет, а произнеся особое заклинание, в ней, как в зеркале, можно будет увидеть, что и где произошло, дабы без промедления послать на помощь принцу либо карательный отряд рыцарей, либо бригаду целителей.

«И заодно могильщиков — чтобы сразу прикопали трупы!» — мрачно пошутил тогда венценосный родитель...

И резко остановился, хлопнув себя по лбу.

Он внезапно понял, что разбудило его в такую рань — тихий мелодичный звон, раздавшийся из стоявшей на прикроватном столике шкатулки.

У Кейтора сразу выработалась привычка всюду таскать за собой следящие камни — либо в шкатулке, либо в кожаном

футляре в кошеле. Но как, не видя камней, узнаешь, изменили они цвет или нет? Вот по личной просьбе монарха и было добавлено «музыкальное сопровождение».

Выругавшись, Кейтор бросился к шкатулке. «Только не Клеймон», — успел подумать он про младшего сына, который по количеству «попаданий» уже перещеголял родителя. Взять хотя бы его вчерашнее поведение во время генеральной репетиции сегодняшней помолвки! Ведь что удумал, паршивец, — переоделся в женское платье и доблестно играл роль «невесты», скрыв лицо под вуалью и изменив голос! Обман раскрылся, только когда «новобрачная» с воплем: «На кого ж ты меня покидаешь?» — повисла на шее принца Даральда, яростно целуя в нос, щеки, скулы и уши. Принцев еле растащили, причем наследник престола так плевался, что напомнил Кейтору его самого в молодости. Сейчас наказанный Клеймон сидел взаперти в своей комнате. Но что, если мальчишка решил сбежать? Ему всего пятнадцать! Что с ним станет дальше?

Камни были помечены — каждый на тыльной стороне имел портрет того принца, на которого был настроен. Первым Кейтор выхватил камень Сейлора и, не глядя, отшвырнул на постель. Вторым оказался камень Даральда, и его тоже король вначале швырнул следом, спеша добраться до третьего принца. И лишь стиснув последний камень в кулаке, сообразил, что переливчатый звон несется с подушки.

«Не может быть!» — только и подумал Кейтор, увидев, что цвет изменил именно камень наследника престола.

— Стр-ража!

Карадор повернулся набок и уткнулся носом во что-то упругое и плотное. Сладко мурлыкнул, подтягивая это «что-то» поближе. Рука скользнула по плотной ткани и неожиданно вяпалась в нечто теплое, влажное и липкое.

— Что за...

Приподнявшись на локте, Карадор вытаращил глаза. После вчерашнего загула голова гудела, во рту было противно и сухо, но один взгляд на то, что лежало перед ним, подействовал, как бокал хорошего вина или вылитого за шиворот ведра

ледяной воды. Эльф мигом протрезвел. Мысли отчаянно за-
метались в черепной коробке, он искал выход.

— Ма-ама...

Они лежали на примятой траве под деревьями какой-то
заросшей аллеи — он, Карадор, и бесчувственное тело с тор-
чащим в груди кинжалом. Правая рука эльфа была в крас-
ном — поворачиваясь набок, он задел натекшую из раны
кровь. Кровь виднелась и на его камзоле, и на земле.

— П-покровители, — выдохнул эльф, задом отползая от
тела, не в силах отвести взгляда от того, что еще несколько
минут назад являлось человеком. Человеком, знакомым ему
настолько, что у Карадора помутилось в голове. Иначе зачем
бы ему тут же кидаться обратно и выдергивать кинжал из
раны?

Кровь плеснула толчком, словно только этого и ждала, и
Карадор снова попятился.

— Это не я, — прошептал он в пространство. — Я бы ни-
когда...

Но кинжал принадлежал именно ему. И рядом никого не
было.

Вскочив, Карадор отшвырнул кинжал за кусты и со всех
ног бросился прочь.

По счастью, до эльфийского посольства было не так уж
далеко. Не тратя времени на то, чтобы найти ворота, он пере-
махнул через кованую решетку забора и напрямик, топча
траву, ринулся к замку. Добежав, опять не стал искать вход, а,
цепляясь за лепнину и плющ, полез на третий этаж, в свою
комнату, торопясь, пока его никто не заметил. Ему необходи-
мо было где-то уединиться, чтобы все обдумать. Да и сменить
окровавленную одежду тоже не мешало.

От волнения эльф не сразу сообразил, что в комнате
что-то не так. Сразу бросился зажигать свечи и вздрогнул
лишь от раздавшегося за спиной возгласа:

— О, как это романтично!

Голос был определенно знаком. Настолько знаком, что
эльф застонал. Нет, только не это! Только не сейчас!.. Но на
его постели уютно устроилась леди Мидарель, самая отчаян-
ная и ярая его преследовательница. Именно ее некоторое

время назад утренняя стража снимала с карниза, когда она застряла там, карабкаясь в его спальню по стене.

— В-вы... — Карадор попятился и, запнувшись обо что-то ногой, рухнул на пятую точку.

— Говори мне «ты». — Леди Мидарель приподнялась, демонстрируя свои прелести. Как нарочно, на ней не было ни одной нитки. — После того как я провела в твоей комнате всю ночь, другого тебе не остается...

Карадор стрельнул взглядом в сторону двери, понимая, что из одной передраги угодил в другую.

— То есть вы хотите сказать... — сглотнув, промолвил он, — что сообщите всем, что я и вы... что мы... э-э... спали вместе?

— Ну не сразу. — Леди одарила его таким многообещающим взглядом, что несчастный понял — если он сейчас сам, с песнями и плясками, не побежит под венец, его туда понесут. Связанным по рукам и ногам, да еще и с кляпом во рту, чтобы не смел возмущаться. О, Покровители, ну почему все эльфийки так строго относятся к любовным связям! Один раз поцеловал в щечку — считай, пообещал жениться! А уж если, не приведи Покровители, переспал — все, пиши пропало! Человеческие женщины в этом вопросе куда как либеральнее — некоторые сами готовы заплатить за то, чтобы красавец-эльф провел пару часов в их постели.

Она поднялась и направилась к нему. Карадору стало жутко. Он не первый день знал эту леди и сильно подозревал, что ее нарочно «сдал в плен» собственный муж, который просто устал от ее аппетитов. И весьма удачно замел следы, пустив слух о своей кончине, чтобы больше не встречаться с ненасытной и весьма оригинальной в удовлетворении своих потребностей супругой. То есть сейчас его привяжут к постели и изнасилуют... Нет, лучше пыточные подвалы, чем это!

— Кроме того, — сладко протянула леди Мидарель и облизнулась с самым плотоядным видом, — если ты не скажешь этого, я всем сообщу, что ты явился весь в крови... И еще неизвестно, чья это кровь!

Карадор вскочил и, оттолкнув тянущую к нему руки леди Мидарель, со всех ног бросился прочь, от волнения совершенно забыв, в каком он виде.

Эмигрантский отдел Тайной службы был реорганизован несколько лет назад, когда стало известно, что далеко не все эльфы, выкупленные из рабства, горят желанием вернуться домой. У одних погибли все родные и близкие, и они не хотели оказаться на пепелище в полном одиночестве. Другие просто не желали кланяться императору-орку, пусть он самолично, из собственной казны, и оплатил их освобождение. Эти последние делились на тех, кто категорически отказывался даже смотреть в сторону Радужного Архипелага, и тех, кто просто выжидал — ведь среднестатистический орк живет в несколько раз меньше, чем среднестатистический эльф. А это значит, что лет через сто или двести (ну, двести пятьдесят, учитывая, что император с помощью магии сумеет продлить срок своей жизни) орк с трона, скажем так... сойдет и его место займет кто-нибудь более приемлемый. Хотя бы его жена самых что ни на есть чистых эльфийских кровей. Вот, дескать, тогда мы вернемся и заживем по-старому!

Как бы то ни было, но оставшихся на территории Великой Паннории эльфов надо было устроить. Из-за тех, кто собирался вернуться, следовало наладить транзитный коридор, а также организовать службу спасения для тех, кто пока оставался в рабстве. Не все владельцы горели желанием расставаться со своими приобретениями — для того, чтобы принудить их распрощаться с длинноухим имуществом, требовалось написать соответствующие законы и обеспечить их выполнение... Короче, дел было немало, и Карадор, точно такой же изгнанник, рьяно включился в работу.

Ему удалось раздобыть форму охранника, и он примчался на службу на своих двоих — тратить время и седлать коня, убегая от леди Мидарель, было уже некогда. Полный решимости если надо совсем окопаться и жить на работе, Карадор, прыгая через три ступеньки, ворвался в свой кабинет, на всякий случай сразу заперся изнутри.

В течение следующего полчаса он метался из угла в угол, как зверь в клетке, то и дело подходил к окну и с тревогой выглядывал на двор. Окон было два — одно выходило как раз на внутренний двор, а другое — на крышу следственной тюрьмы. Стоит леди Мидарель или кому бы то ни было подозрительному оказаться у ворот, он высадит ногой раму и уйдет

по крышам, благо, Карадор боялся высоты меньше, чем большинство его сородичей. А там кинется к Кейтору — пусть король пригрозит озабоченной эльфийке принудительной экстрадацией. Авось она испугается незнакомого слова (Карадор сам не был уверен, что правильно употребляет некоторые человеческие термины) и слегка поумерит свои аппетиты.

«И вообще, что она возомнила? — растревлял себя эльф, меряя шагами кабинет. — В конце концов, у меня принц на аллее лежит! А я тут торчу... Даральда надо спасать... Вот гоблины, что же вчера произошло?»

Память упорно отказывалась работать, подсовывала какие-то разрозненные картинки. Помнится, они долго бродили по улицам, куда-то заглядывали, где-то пили и закусывали, потом... нет, не вспомнить... В какой-то момент сознание словно отключилось — он проснулся уже возле окровавленного трупа.

Острый слух нелюдя вовремя предупредил об опасности. По лестнице грохотали быстрые шаги, слышались голоса.

Чисто машинально Карадор шагнул сначала к окну — убедиться, что леди Мидарель внизу нет, — а потом к двери, в которую мгновением позже грохнул кулак.

— Лорд Карадор? — грянул голос, который эльф с трудом узнал — столько в нем было холода и металла. — Вы здесь?

«Принц!» — запоздало осенило эльфа. Тело отыскивали и без него. Он попятился от двери — и аж подпрыгнул, когда сзади, от второго окна, послышались какой-то шум, а потом — грохот высаживаемой рамы и звон разбитого стекла.

Взвизгнув от неожиданности, Карадор круто развернулся, чтобы увидеть, как трое стражников в мундирах Тайной службы лезут в его комнату.

Решение пришло мгновенно. Дав солдатам время освободить выход, Карадор высоко подпрыгнул, схватился за поперечную балку. Раскачавшись, мгновенно подтянулся на руках и сильным толчком ногами вперед выпрыгнул в окно.

Приземлился он неудачно, на скат крыши, но успел сгруппироваться и сразу кувыркнулся, спасая бока и загривок от травм. Вскочил на ноги, помчался по краю водосточного желоба, спеша добраться до противоположной стороны, откуда,

заранее взяв разбег, что было сил бросил свое тело через дорожку на крышу соседнего дома.

Ему удалось ухватиться за край карниза самыми кончиками пальцев. Он не сорвался лишь чудом, отчаянным рывком все-таки вздернул себя на крышу, упал животом на выступ и с низкого старта рванулся бежать прочь, не обращая внимания на доносившиеся снизу и сзади отчаянные крики. Не было времени остановиться и оглянуться, и лишь одна мысль неотвязно билась в мозгу: что теперь делать?

Дело оказалось сложнее, чем он думал. В сознании «объекта» неожиданно обнаружился мощный блок. С помощью магии его теоретически можно было бы нейтрализовать, но чары явно наложили еще в момент рождения, а всем известно, что чем дольше находится заклятие на зачарованном существе, тем труднее его потом снять. Чары настолько срastаются с аурой «жертвы», что становятся просто ее частью. И иногда проще добить носителя наложенного заклятия, чем избавиться от оногo.

Вот и здесь Фрозинтар без толку провозился с мощным защитным блоком в сознании «объекта» и в результате потерял время. Пришлось выпустить из виду того, второго, а потом было уже поздно.

Но да ничего. Он и не думал, что последнее задание окажется столь простым, как удар кинжалом в грудь.

Несмотря на солидный возраст — шестьдесят пять лет не шутка для человека! — лорд-целитель Даральд делль Орш, владетельный герцог Паннорский, отлично держался в седле. Поднятый с постели перед рассветом, он примчался в королевский дворец верхом, успев лишь кое-как одеться и даже не прихватив саквояж с самыми необходимыми инструментами. Его старшая дочь и первая помощница в подобных делах, делла Исмираль, должна была приехать чуть позже и привезти что нужно.

Во дворце все стояли на ушах. Горели огни, перепуганными мышами тут и там таились слуги, а те, кому служебный долг предписывал встретить герцога и проводить его в королевские покои, были бледны и взвинченны. Плохие новости

всегда распространяются мгновенно! Даральд мельком подумал, что королю придется здорово раскошелиться, чтобы заткнуть все рты во дворце.

Когда-то давно он сильно повредил ногу, с возрастом давняя рана иногда давала о себе знать, и сейчас лорд-целитель вошел в комнату, сильно хромя. Взгляд сразу ухватился за лежащее на постели полураздетое тело с окровавленной грудью. Стоявших справа и слева от него короля, королеву и младших принцев он едва удостоил внимания, приблизившись и склонившись над наследником престола.

Бледный до синевы, неподвижный и холодный, перед ним лежал нареченный жених его младшей дочери. Еще только вставал рассвет, Дисана сладко спала, грезя о предстоящей помолвке, и ничего не знала о том, что сегодняшним днем не будет самым счастливым днем в ее жизни. Рана на груди молодого человека говорила об этом достаточно красноречиво.

— Когда его нашли? — Наклонившись, Даральд коснулся пальцами шеи принца, чтобы прощупать пульс.

— Недавно.

— Сколько прошло часов? Два? Три?

— Два... или три... Пока отыскиали, пока дали знать...

— Так сколько? — Даральд на миг прекратил осмотр и бросил взгляд через плечо. — Не мямлите, ваше величество!

— Три, — определился король Кейтор.

— Где это случилось?

— Бывшая Аллея света...

Даральд присвистнул, возвращаясь к осмотру. Ветхий город, на две трети состоявший из памятников старины и храмов, в которых никто не жил. Кроме королевского дворца и домов-замков некоторых высокопоставленных лордов, в самом Ветхом городе едва ли нашлось бы несколько домов, в которых обитало пять-шесть десятков человек. Ну, и еще эльфы, чье посольство находилось как раз в конце бывшей Аллеи света. Район достаточно безлюдный. Там время от времени до сих пор пропадали люди и их никто не искал — бесполезно.

— Там сейчас работает следственная бригада...

— Лорд делль Тирс?

— Он лично выехал на место происшествия.